

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. И. РОБАКИДЗЕ

К НЕКОТОРЫМ СПОРНЫМ ВОПРОСАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НОВОГО БЫТА

Этнографическое изучение социалистического быта — актуальнейшая проблема советской этнографии. Значение этой проблемы в современных этнографических исследованиях нашло отражение и в определении задач советской этнографии, в кругу которых «центральной задачей... является изучение культуры народов мира, на какой бы стадии исторического развития они ни стояли, в ее национальной и этнической специфике, в ее историческом становлении и развитии»¹.

Начиная главным образом с 1948 г., этой проблеме уделяется все больше внимания как в планах соответствующих научно-исследовательских институтов, так и в их изданиях. За это время опубликован ряд работ, которые вместе с докладами, заслушанными на этнографических сессиях в Тбилиси (ноябрь 1949 г.) и в Москве (январь — февраль 1951 г.), содержат достаточный материал для того, чтобы поставить вопрос об их критической оценке с целью извлечения положительного опыта.

Поэтому появление статьи проф. П. И. Кушнера «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства»² необходимо считать более чем своевременным, ибо до того, пока не будет внесена ясность в вопрос о методе этнографического изучения современного быта, одна из центральных задач советской этнографии останется нерешенной.

Разделяя в общем оценку, данную П. И. Кушнером проделанной в этом направлении работе, мы также вынуждены отметить, что значительная часть упомянутых работ ни в части описательной, ни в части обобщающей, к сожалению, не стоит на уровне значения данной проблемы: они в большинстве случаев не отвечают основным требованиям научного этнографического исследования.

Однако распространение этой оценки на все без исключения работы упомянутой серии было бы неправильным; это равносильно утверждению, что более чем четырехлетние искания в этой области не дали никаких положительных результатов. Очевидно, лишь полностью отрицательной оценкой проделанной в этом направлении работы можно объяснить то, что автор дискуссионной статьи, совершенно справедливо считая необходимым при разработке нового метода опираться на имею-

¹ С. П. Толстов, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии, «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 3.

² П. И. Кушнер, Об этнографическом изучении колхозного крестьянства, «Советская этнография», 1952, № 1.

щиеся уже работы³, не приводит ни одного конкретного примера положительного опыта. Значит ли это, что весь имеющийся опыт в этой области является действительно отрицательным? По нашему мнению, конечно, нет.

Чрезмерное увлечение критикой недостатков работ по данной проблеме при отсутствии хотя бы попытки извлечь что-либо положительное из имеющегося уже опыта, на наш взгляд, является существенным недостатком оценки проделанной в этом направлении работы, а следовательно, и одной из причин, мешающих правильной ориентации в вопросе о методе этнографического изучения современного быта.

П. И. Кушнер совершенно закономерно исходит из сталинского определения советского крестьянства, «подобного которому еще не знала история человечества», и основную задачу в области исследования быта колхозного крестьянства видит в том, «чтобы, опираясь на имеющийся уже опыт, разработать новую методологию и новую методiku этнографического изучения народной жизни»⁴. Соответственно этой задаче автор дискуссионной статьи пытается наметить новые пути и способы этнографического изучения современного быта, считая существующие методы несоответствующими новым задачам. Однако в процессе искания новых путей и способов вопрос о методе по существу подменяется вопросом о личных качествах исследователя и сроках полевой работы. Касаясь, например, причин неполного использования методов этнографического изучения, П. И. Кушнер замечает: «Как правило, на полевую работу тратилось не более двух-трех недель, а некоторые «исследователи» ухитрились пробыть в колхозе, который ими изучался, всего несколько дней»⁵. Такого рода факты, если они и имели место, не являются типичными и в силу этого они не могут быть положены в основу объяснения общих недостатков, носящих более или менее закономерный характер. С другой стороны, недостаточные сроки экспедиционной работы не могут быть признаны фактором, определяющим сущность метода этнографического исследования; эти сроки, по нашему мнению, в значительной степени сами регламентированы неправильным, более чем упрощенным пониманием задач полевой этнографии вообще, независимо от того, изучается ли старый или новый быт. Таким образом, подменяя вопрос о самом методе вопросом о характере и условиях его применения, мы тем самым отвлекаем внимание от основной задачи, что, конечно, не может способствовать правильной ориентации в этом центральном вопросе.

Правильной ориентации в вопросе о методе мешает также переплетение с ним вопроса о формах исследования (тематическое или монографическое изучение), о чем подробно будет сказано ниже.

Лишь в одном из последних абзацев автор дискуссионной статьи приходит к выводу, что «изучать все это нужно этнографическими методами, не мудрствуя лукаво, твердо помня основную цель такого изучения — выявить процесс формирования социалистического быта и развития социалистической культуры, сохраняющей свои национальные формы»⁶. Но ведь этнографическими методами мы изучаем и старый быт, причем изучаем его в процессе развития, в его этнической или национальной специфике. В чем же заключается особенность нового метода? Утверждения автора о необходимости «наблюдать жизнь колхозного крестьянства в разные сельскохозяйственные сезоны», иметь «четкую

³ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 136.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 138; ср. выступление П. И. Кушнера на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР 9 октября 1951 г., «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 213.

⁶ П. И. Кушнер, Об этнографическом изучении колхозного крестьянства, стр. 140.

общую программу и общее научное руководство», «выявить подлежащий изучению материал, научно описать его, сопоставить, проанализировать генезис и ход развития» и т. п. — не содержат достаточно конкретных указаний, необходимых для определения специфики нового метода, если под ним понимать пути и способы этнографического изучения современного быта.

Вполне разделяя положение П. И. Кушнера о том, что «изучать все это нужно этнографическими методами», и подразумевая под последними непосредственное наблюдение и опросы, мы все же считаем необходимым уточнить вопрос о конкретной форме применения этнографического метода к изучению современного быта, ибо прямого ответа на этот вопрос мы в статье, к сожалению, не находим.

Для того чтобы внести ясность в самую постановку вопроса о методах этнографического изучения современного быта, необходимо определить объект исследования; что мы изучаем — колхоз или колхозное крестьянство? По этому вопросу в статье П. И. Кушнера мы находим совершенно четкую и ясную позицию: «Колхоз — не столько территориальная, сколько хозяйственная организация. Крестьянство, которое изучает этнограф, живет не в колхозах, а в населенных пунктах — селах, деревнях, аулах, кишлаках, станицах и пр.... Отсюда следует, что основной территориальной единицей при монографическом изучении должен быть не колхоз, а село, иногда группа близлежащих населенных пунктов»⁷.

Это определение объекта этнографического изучения (конечно, без обуславливания его лишь теми случаями, когда изучение производится монографическим путем) намного способствует и упрощению вопроса о методе, не оставляя вместе с тем места для лукавого мудрствования.

Каким же должен быть метод этнографического изучения современного быта колхозного крестьянства? Он должен быть в первую очередь комплексно-интенсивным.

Согласно комплексно-интенсивному методу изучения этнографического быта, предложенному проф. Г. С. Читая в 1926 г.⁸ и в наиболее полном виде сформулированному им в 1948 г., «правильным можно считать лишь такой метод фиксации этнографических явлений, когда дана возможность перейти от более или менее субъективно-количественных к объективно-качественному описанию этих явлений... В полевой этнографической работе это требование выполнимо лишь при комплексном изучении явлений, когда, с одной стороны, в комплекс включаются сопряженные базисные и надстроечные явления, а с другой — когда каждый предмет описывается «как сумма человеческого труда» (К. Маркс), т. е. по материалу, технике, функции и т. п.... С точки зрения этого метода глубина этнографического наблюдения гораздо важнее, чем его ширина. Важнее углубленное изучение тесного района, чем разъездное — широких пространств, как, например, округов, областей и т. д. Перекрестное получение материала и хорошо составленная на месте «биография одного пахотного орудия» дает больше, чем поверхностное описание десятка этих орудий. При этом работу нужно проводить по отдельным мелким и крупным социальным единицам»⁹.

Правильное, полное и последовательное применение этого метода к изучению современного быта при безусловном знании языка и истории изучаемого народа дает возможность научно-объективно зафиксировать этнографический факт, а «факты — это воздух ученого» (И. П. Павлов),

⁷ Там же, стр. 140.

⁸ Г. С. Читая, Грузинская этнология, «Мимомхилвели», т. 1, 1926, стр. 249 (на груз. языке).

⁹ Г. Читая, Этнографические исследования в Грузинской ССР, «Советская этнография», 1948, № 4, стр. 178.

представить его в органической связи с общественно-исторической средой, выявить специфику данного этнографического явления и осмыслить его в процессе зарождения и развития.

Само собой разумеется, что такая постановка полевой работы не ставит и не может ставить целью в первый же год накопления экспедиционного материала дать такую монографию изучаемого района, которая охватила бы все стороны быта данного населения при глубине исследования, стоящей на уровне современных требований советской исторической науки. Такое монографическое исследование возможно лишь после суммирования и обобщения результатов изучения отдельных элементов быта. Именно поэтому указанный выше метод не только не отрицает монографии в качестве исследования, охватывающего все основные стороны быта, но считает ее в конечной своей цели наиболее полной формой этнографического исследования. Следовательно, с нашей точки зрения, всякое противопоставление тематического изучения монографическому надо считать в методологической своей основе безусловно ошибочным.

Остановиться на этом, по нашему мнению, бесспорном положении заставило нас также и то обстоятельство, что в статье П. И. Кушнера позиция этой части этнографов, мнение которых выразил Г. С. Читая, изложена не совсем четко. Тезиса о том, что «объектами изучения могут быть жилище, семья, одежда, а не быт колхоза в целом», проф. Г. С. Читая не выдвигал, а стало быть, и не давал повода к рассуждениям о метафизическом отрыве следствия от причины¹⁰. Более того, указанный выше комплексно-интенсивный метод подчеркивает необходимость включения в комплекс изучаемых объектов «сопряженных базисных и надстроечных явлений», т. е. совершенно определенно направлен против метафизического отрыва следствия от причины.

В действительности речь идет о том, с чего начать исследование колхозного крестьянства — с изучения всех сторон культуры и быта, взятых вместе, или с изучения отдельных элементов быта с последующим обобщением результатов этих исследований. При такой постановке вопроса позиция сторонников так называемого тематического исследования, естественно, включает всякое противопоставление ему монографического изучения, тогда как такое противопоставление логически вытекает из позиции сторонников так называемого монографического изучения.

В тезисах к докладу «Этнографическое изучение культуры и быта колхозного крестьянства», который был прочитан на этнографическом совещании в Институте этнографии АН СССР (январь-февраль 1951 г.), сказано: «Опыт изучения отдельных колхозов, осуществляемый Институтом этнографии в течение нескольких лет, обнаруживает громадные преимущества монографического изучения перед тематическим. Однако не следует пренебрегать и тематическими обследованиями, поскольку жизнь ставит перед нами некоторые практические вопросы, разрешение которых не может быть отложено до тех пор пока накопятся монографии». Здесь особенно ярко выражено противопоставление монографического изучения тематическому обследованию, причем круг задач последнего ограничен лишь «некоторыми практическими вопросами».

В дискуссионной статье П. И. Кушнера этот вопрос трактуется по существу в том же плане: «Значит ли это, что культура и быт сельского населения в СССР должны изучаться лишь монографически? Нет, вовсе не значит. Монографическое изучение не может охватить всю территорию Советской страны, оно по необходимости должно быть сконцентрировано лишь на нескольких наиболее важных в смысле изучения

¹⁰ П. И. Кушнер, Этнографическое изучение культуры и быта колхозного крестьянства, Тезисы доклада, Этнографическое совещание, январь-февраль 1951 г.

объектах... Но любая из сторон народной жизни, изучаемых этнографией, может исследоваться тематически... независимо от того, предполагается ли в каком-либо селе или ином населенном пункте поставить монографическое многолетнее изучение всех сторон жизни»¹¹. Очевидно, что противопоставление тематических исследований монографическим с предоставлением преимущества последним и здесь еще не изжито до конца.

Этот вопрос имеет принципиальное значение для этнографического исследования вообще, ибо и в этом случае глубина исследования, при прочих равных условиях, обратно пропорциональна широте охвата. Ведь не случайно, что в программах сбора этнографического материала, построенных в плане изучения «быта и всей культуры в целом», иногда даются неточные установки относительно записи этнографического материала, т. е. относительно фиксации этнографических фактов — основы всей дальнейшей исследовательской работы. «Записи, — читаем мы в одной из таких программ, — лучше (? — А. Р.) делать во время самого наблюдения или слушания рассказа, если обстановка не мешает этому. Например, описывать печь или постройку, предмет одежды и т. п. лучше всего (? — А. Р.) прямо на месте. Также лучше (? — А. Р.) записывать слова рассказчика сразу, при нем же. Но если это стесняет рассказчика, то запись нужно сделать возможно скорее после окончания беседы (! — А. Р.)»¹². Нужно ли доказывать, что, разрешая указанный способ фиксации, хотя бы в определенных случаях, мы тем самым в значительной степени лишаем такую фиксацию научной ценности. Такая постановка вопроса есть прямой результат «монографического» подхода к изучению современного быта.

Вместе с тем сейчас уже не может быть сомнений в том, что опыт совещания в Институте этнографии (январь-февраль 1951 г.) не подтвердил тезиса о «...громдном преимуществе монографического изучения перед тематическим». Наоборот, по нашему мнению, этот опыт еще раз вскрыл несостоятельность такой постановки вопроса, в результате чего, говоря словами П. И. Кушнера, «участники согласились, что противопоставлять монографическое изучение тематическому не следует».

Просматривая вновь тезисы докладов указанного совещания, мы еще раз убеждаемся в том, что процесс социалистического преобразования быта более глубоко был вскрыт и более четко показан именно в тех докладах, авторы которых к изучению этого процесса приступили путем тематических исследований отдельных, ведущих элементов быта, а не путем монографического охвата всех сторон культуры во всей их сложной совокупности. Примером этому может служить доклад Д. С. Вардумяна «Производственный быт колхозного крестьянства Лорийского района Армянской ССР». В этом докладе процесс преобразования соседско-родственных бригад в бригады, построенные по территориальному принципу, не только показан, но и объяснен с достаточной убедительностью еще и потому, что этот процесс рассматривается в органической связи с характером всего поселения.

Из опубликованных работ можно было бы сослаться на статью «Современное кабардинское жилище» Е. Н. Студенецкой¹³, которая, благодаря именно тематическому изучению одного из основных элементов современного быта, смогла представить сравнительно полную кар-

¹¹ П. И. Кушнер, Об этнографическом изучении колхозного крестьянства, стр. 140—141: (Разрядка наша. — А. Р.).

¹² Н. И. Воробьев, Программа для сбора материалов по изучению современного быта колхозной деревни и истории его формирования у народов Среднего Поволжья, «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 183.

¹³ Е. Н. Студенецкая, Современное кабардинское жилище, «Советская этнография», 1948, № 4, стр. 105—123.

тину усадьбы, планировки домов, техники постройки, убранства жилища и т. д., одновременно показав процесс преобразования кабардинского жилища в связи с изменениями условий хозяйства и общественного быта. И здесь исследование ведется не по отдельным колхозам, а в масштабе селения в целом.

Значит ли это, что, став на почву тематического изучения современного этнографического быта, мы тем самым отрицаем необходимость монографического изучения или, что еще хуже, отрываем следствие от причины? Повторяем, нет. Наоборот, лишь путем такого тематического изучения возможно создать твердую, научную почву для широких монографий, охватывающих все основные стороны культуры и быта данного народа, рассмотреть их в органической взаимосвязи и в процессе становления.

В качестве примера такой монографии в современной этнографической литературе мы можем указать на работу Л. П. Потапова «Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев»¹⁴, в которой, благодаря систематическому и планомерному изучению основных элементов культуры и быта алтайцев, дано именно монографическое исследование, вскрывающее чрезвычайно любопытные моменты в процессе социалистического преобразования их быта и культуры в целом в его этнической и национальной специфике. Здесь выдвигаются на передний план узловые моменты, определяющие быт: животноводство, земледелие, ремесла, одежда, пища и т. д., причем каждый элемент рассматривается в процессе отмирания старых и возникновения новых форм, с выявлением основы этих процессов и показом их специфики.

Примеры эти можно было бы умножить. В конечном итоге вся работа грузинских этнографов ведется в этом направлении.

Остается вопрос о времени, необходимом для монографического исследования. Справедливость требует согласиться с П. И. Кушнером в том, что «это большая и долговременная работа, которая отнимает у исследователя все его время на длительный срок и которая не может делаться мимоходом в порядке выполнения «очередных заданий»¹⁵. Решение этого вопроса полностью зависит от правильного укомплектования комплексных исследовательских бригад и четкого руководства на базе подробно проработанных программ, на что справедливо обращает внимание П. И. Кушнер.

Таким образом, единственно правильным методом этнографического изучения современного быта мы считаем охарактеризованный выше комплексно-интенсивный метод полевой работы; тематическую и монографическую форму исследования мы рассматриваем не как два различных метода этнографического изучения быта народа, а как две последовательные стадии в этом изучении, дающие в конечном счете наиболее полную форму исследования современного быта и культуры.

Другое дело, когда речь идет об исследованиях, ставящих перед собой целью разрешение отдельных проблем общей этнографии. Здесь характер самой задачи определяет необходимость ограничить рамки исследования одним элементом культуры; в этом случае исследование идет по линии расширения круга распространения данного элемента, и здесь оно перерастает в монографию, однако отличную от монографии, посвященной изучению культуры и быта данного народа в целом.

В процессе применения комплексно-интенсивного метода к этнографическому изучению современного быта необходимо учитывать сложность изучаемого объекта, своеобразие которого нередко определяется

¹⁴ Л. П. Потапов, Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев, «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 107—138.

¹⁵ П. И. Кушнер. Об этнографическом изучении колхозного крестьянства, стр. 139.

особенностью исторического пути, предшествующего становлению социалистического общества, и, соответственно этому, вырабатывать новые приемы исследования, привлекать к использованию новые источники.

Великая Октябрьская социалистическая революция застала народы Советского Союза на различных ступенях общественного развития. И. В. Сталин в заключительном слове на X съезде РКП(б) сказал: «В России насчитывается двадцать две окраины, причем одни из этих окраин сильно задеты промышленным развитием и мало чем отличаются от центральной России в промышленном отношении, другие не прошли еще стадию капитализма и в корне отличаются от центральной России, третьи совершенно забыты»¹⁶.

Помимо существенных различий в уровне общественного развития, каждую данную национальность характеризуют особенности «классового строения, культуры, быта, исторического прошлого...»¹⁷. В 1921 г. И. В. Сталин предлагал такую форму государственного союза, которая дала бы возможность «охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации»¹⁸.

Благодаря осуществлению сталинской национальной политики развитие народов СССР протекало на основе советского государственного строя и социалистического хозяйства, т. е. на основе высших форм демократии и экономики. В результате этого становление нового, социалистического быта проходило в обстановке отмирания вредных пережитков, зарождения новых элементов и бурного расцвета здоровых национальных и этнических традиций.

Правильно заметил проф. Н. Н. Чебоксаров, что «в ряде мест нашей страны в ближайшем соседстве живут представители разных национальностей. Экономическая база таких колхозов очень сходна, однако быт колхозников бывает весьма различен, в зависимости от их национальности. Эта сторона до сих пор не привлекала внимания наших этнографов»¹⁹. Однако элементы, определяющие специфику национальной культуры данного народа, являются продуктом определенной общественно-исторической среды, предшествующей социалистическому обществу, и это обстоятельство, естественно, не могло не найти своего отражения в общем процессе социалистического преобразования. Следовательно, для того, чтобы правильно понять природу и сущность специфических элементов современной культуры и быта данного народа и уяснить особенность процесса их социалистического преобразования, одним из необходимых условий является их изучение в стадии, непосредственно предшествующей социалистическому обществу. Учет своеобразия материальной и духовной культуры, а также условий, сохранивших данные формы национальных и этнических особенностей до кануна социалистической революции, помогает вскрыть и научно объяснить особенность процесса становления нового быта, изучаемого, естественно, в свете сталинского учения о социалистической нации, выявить конкретные пути появления новых форм, выработать эффективные меры борьбы с вредными пережитками, создать максимально благоприятные условия, обеспечивающие наиболее полное проявление здоровых национальных и этнических традиций.

Таким образом, принцип последовательного историзма при изучении

¹⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 46.

¹⁷ И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе, Соч., т. 5, стр. 27.

¹⁸ Там же, стр. 22.

¹⁹ Выступление на заседании Ученого совета Института этнографии 9 октября 1951 г.; см. «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 214.

современного быта должен охватывать и период, непосредственно предшествующий социалистическому обществу. Лишь при выполнении этого условия можно достичь основной цели этнографического изучения нового быта, правильно сформулированной П. И. Кушнером: «...исторически изучить изменение форм быта, появление нового содержания в старых формах и рождение новых форм, развитие социалистической культуры»²⁰.

Решение задач, вытекающих из этой основной цели, помимо полевого этнографического материала фиксируемого комплексно-интенсивным методом, требует привлечения новой серии источников, а вместе с тем и применения новых приемов исследовательской работы. В литературе уже отмечено, что «обеспечить настоящее, глубокое знание того нового, что создается миллионными массами в социалистическом обществе, возможно различными путями. Один из них — изучать материалы, которым располагают соответствующие ведомства. Другой — на известное время покидать научные кабинеты и отправляться на заводы, фабрики, в шахты, колхозы, совхозы. Само собой разумеется, что важным источником знания живой действительности является и кропотливое, вдумчивое изучение фактов, публикуемых в нашей печати»²¹.

Наш опыт этнографического изучения социалистического быта показал, что наряду с этнографическими материалами, добытыми указанным выше методом в условиях полевой работы, совершенно необходимыми источниками являются исторические документы и архивные материалы, отображающие дореволюционный быт и выявляющие те элементы, которые определили лицо культуры и быта изучаемого населения в период, непосредственно предшествующий новому обществу, и нашли положительное отражение в процессе социалистического преобразования культуры и быта.

Независимо от того, изучался ли быт колхозников или промышленных рабочих, в качестве основной ячейки изучения бралась семья. Подробные генеалогии семей, восходящие до IV—V колена и составляемые в тесной связи с развитием форм хозяйственной деятельности и образа жизни данной семьи, дали возможность с анатомической ясностью проследить за всеми основными изменениями, четко отображающими изменения в общественном быту. Благодаря такому подходу, изменение состава семьи, ее насыщение представителями новой, советской интеллигенции, укрепление экономической основы семьи, идейная общность, определяемые социалистическим общественным бытом, нашли свое правильное историческое объяснение. Обобщение результатов исследования отдельных семей, изучаемых на протяжении ряда поколений (в том числе и досоветских), намного способствовало правильному уяснению характера изменений в общественном быту всего населения изучаемого района. Этим путем был выявлен, например, конкретный процесс становления рабочего класса в одном из промышленных районов Грузии, начиная со второй половины XIX в., протекавший в специфических условиях, без учета которых особенности современного быта остались бы не только необъясненными, но и нескрытыми. Благодаря тому же подходу были установлены также особенности изменения в дореволюционном сельском быту данного района, вызванные появлением промышленных рабочих. Эти изменения, сложившиеся еще во второй половине XIX в., не исчезли бесследно — они отражаются в той или иной форме и в процессе становления нового быта.

²⁰ П. И. Кушнер, Об этнографическом изучении колхозного крестьянства, стр. 140.

²¹ Ф. Константинов, Против догматизма и начетничества. Сборн. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“», М., 1951, стр. 248.

Тесные узы промышленности и сельского хозяйства, завязанные за полвека до социалистической революции, находят свое новое отражение в процессе становления современного быта. Ни в одном районе Грузии быт промышленных рабочих не содержит таких элементов сельского быта, какие характерны для чиагурских горнопромышленных рабочих; ни в одном районе Грузии сельская семья так тесно не связана с промышленностью и городской жизнью, как это мы находим в том же районе. В силу этого один из основных моментов становления социалистического общества — ликвидация противоположности между городом и деревней — здесь протекал несколько своеобразно, и объяснение этому мы можем найти лишь путем учета особенностей исторического процесса, характерного для данного промышленного района²².

То же можно сказать и о собственно колхозном крестьянстве. Характер процесса коренного изменения колхозного быта остался бы невыявленным и непонятым, если бы не была установлена полная своеобразия картина этого быта в годы, непосредственно предшествующие социалистической революции²³.

Следовательно, изучение быта, предшествующего социалистическому, нам нужно не только для того, чтобы показать грандиознейшие сдвиги в быту и сознании, вызванные победой социалистического строя и строительством коммунистического общества, но и для того, чтобы выявить особенность процесса зарождения и развития новых форм в быту данного народа, научно объяснить его в органической связи с основными чертами, указанными И. В. Сталиным в качестве определяющих духовный и социально-политический облик социалистической нации, и путем обобщения добытых результатов установить конкретные пути становления социалистического быта, социалистической культуры.

Таким образом, для этнографического изучения современного быта нам нужны не искания новых методов, а правильное и последовательное применение уже известного, проверенного и советской этнографией одобренного комплексно-интенсивного метода, фиксация внимания в первую очередь на узловых элементах культуры и быта, носящих яркий отпечаток национальной и этнической специфики и играющих активную положительную роль в процессе социалистического преобразования, привлечение новых источников, а вместе и новых приемов исследовательской работы и, самое главное, осмысление научно-фиксируемых этнографических фактов в свете ленинско-сталинской методологии.

²² А. Робакидзе, Некоторые стороны быта чиагурских горнопромышленных рабочих, 1951 (рукопись).

²³ См.: Г. Читая, М. Гегешидзе, И. Чкония. Новый быт в колхозе им. К. Н. Чарквиани, сел. Тортиза Горийского района, «Мимомхилвели», т. II, Тбилиси, 1952, стр. 349—368 (на груз. языке).